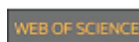

Николаева Е. Г. Биографический контекст в романах В. В. Набокова «Подвиг» и «Просвечивающие предметы» / Е. Г. Николаева // Научный диалог. — 2019. — № 5. — С. 197—212. — DOI: 10.24224/2227-1295-2019-5-197-212.

Nikolayeva, E. G. (2019). Biographic Context in V. V. Nabokov's Novels "Glory" and "Transparent Things". *Nauchnyi dialog*, 5: 197-212. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-5-197-212. (In Russ.).

УДК 821.161.1Набоков.06+821.111(411)Cronin.06

DOI: 10.24224/2227-1295-2019-5-197-212

Биографический контекст в романах В. В. Набокова «Подвиг» и «Просвечивающие предметы»

© Николаева Екатерина Геннадьевна (2019), orcid.org/0000-0002-0759-9779, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы, теории литературы и методики обучения литературе, Новосибирский государственный педагогический университет (Новосибирск, Россия), nikks@ya.ru.

Романы В. Набокова «Подвиг» и «Просвечивающие предметы» рассматриваются с точки зрения представленности в них биографического материала. Отмечается, что содержащиеся в этих романах отсылки к произведениям русской и зарубежной литературы, к биографиям писателей и поэтов («биографическому сюжету») говорят не только о культивировании Набковым нового сюжета на почве комбинаторики заимствованных сюжетов и их элементов, но и о металитературном обсуждении этих сюжетов, биографий и творческого опыта предшественников. В статье сопоставлены особенности нарратива романа А. Дж. Кронина «Приключения в двух мирах» и художественные принципы Набокова, позволяющие совмещать биографические факты и вымысел. Так, рассмотрена линия рода Набоковых, ставшая «сюжетогенной» и повлиявшая на возникновение сюжетов «Волшебника» и «Лолиты», она же присутствует в свернутом виде в «Даре» и «Просвечивающих предметах». История взаимоотношений Мольера и Арманды Бежар сопоставлена с линией «Арманда — Хью Персон» в «Просвечивающих предметах». Прослежены также связи романов В. В. Набокова «Подвиг» и «Просвечивающие предметы» с творчеством и биографией Лермонтова. В частности, уделено внимание фигурам сокурсников Лермонтова — Д. В. Петерсону и Я. Р. Грузинову.

Ключевые слова: Набоков; Подвиг; Просвечивающие предметы; Прозрачные вещи; металитературность; сюжет; интертекстуальность; биография; биографический контекст; Кронин; Мольер; Лермонтов; Грузинов; Петерсон.

1. Введение

Изучение интертекстуальных связей в творчестве Набокова — одно из самых продуктивных и плотных исследовательских полей в его поэти-

ке, но не меньшую плотность имеют биографический и автобиографический контексты, часто остающиеся без должного внимания исследователей. Так, Г. А. Левинтон, отмечая недооцененность в книге Дж. Т. Локрантц роли аллюзии, ссылки, скрытой цитаты у Набокова, подчеркивает, что у писателя «под эту категорию подходят и включения собственной биографии в текст, введение себя в текст в качестве персонажа» [Левинтон]. Добавим — введение в произведения и чужой биографии тоже — и уточним: нас интересуют не собственно факты биографии Набокова или представителей его рода, о чем много писали в связи с «Другими берегами», «Speak, Memoirs» («Память, говори»), «Подвигом», а те элементы его родословной, которые становятся протосюжетами его же произведений. Такой же сюжетогенностью для Набокова обладают и «чужие» биографии. Различные отсылки в его текстах к произведениям литературы, к биографическому материалу («биографическому сюжету») говорят как о культивировании Набоковым нового сюжета на почве комбинаторики заимствованных сюжетов, биографий и их элементов, так и о металитературном обсуждении этих сюжетов, биографий и творческого опыта предшественников.

2. Арчибальд Джозеф Кронин — «Старина Крониг» («Просвечивающие предметы»)

В романе «Просвечивающие предметы» главный герой Хью Персон осведомляется в холле отеля «Аскот», *на месте ли старина Крониг, управляющий, чье обрюзгшее лицо и фальшивую веселость он помнил весьма отчетливо* [Набоков, 1998, с. 357]. В одной из своих статей [Николаева, 2013а, с. 97—98] мы уже высказали предположение о биографическом контексте, связанном с фамилией Крониг. Упомянутая там нами анаграмма «крониг — книга» позволяет также предположить, что Набоков мог иметь в виду того, кто связан с книгами, — писателя. Возможно, Крониг — это отсылка к творчеству Арчибальда Джозефа Кронина, чьи романы были известны Набокову. Об этом говорит, например, место в романе «Пнин», где при описании череды сменяемых Пниным жилищ отмечается, что все его пристанища *обладали одной общей родовой чертой: в книжных шкапах, стоявших в гостиной или на лестничных площадках, неизменно присутствовали Хендрик Виллем ван Лун и доктор Кронин; их могла разделять стайка журналов или какой-то лохотный и полнотелый исторический роман, <...>, но эта парочка обнаруживалась непременно и обменивалась взорами нежного узнавания, наподобие двух старых друзей на людной вечеринке* [Набоков, 1998, с. 234]. Очевидно, что для Набокова первые два

автора объединены известностью и частотностью, с которой встречались их книги на полках американских домов¹.

Но есть момент, который может быть более значимым для Набокова в связи с этим именем. Т. С. Буркина пишет о Кронине: «Источником вдохновения писателю чаще всего служила собственная биография» [Буркина, 2014, с. 40]. Учитывая психологию творчества, можно утверждать, что это свойственно многим писателям, но у Кронина такой подход становится сюжетообразующим принципом — во-первых. А во-вторых, он создает книгу «Приключения в двух мирах» («Adventures in Two Worlds»), которая увидела свет в 1952 году и считается его автобиографией. Исследователи спорят о жанровой принадлежности этого произведения: Т. С. Буркина отмечает, что одни, как Дейл Салвак, относят эту книгу к нехудожественным произведениям (non-fiction), другие, как Алан Дэвис, указывают на ошибочность такого подхода и утверждают, что «эту работу невозможно однозначно отнести к какому-либо жанру. Это не роман, но это и не просто собрание рассказов, а нечто большее» [Там же, с. 41]. Подобный взгляд на книгу соответствует и установке самого автора: Т. С. Буркина приводит цитату из письма Кронина издателю: «Эта книга не будет автобиографией, она будет насыщена случаями деликатными, трогательными и драматичными, с тем самым медицинским оттенком, который так полюбился читателям» [Там же, с. 41—42].

Такую же двоякую референцию имеют и автобиографические книги Набокова: «Другие берега» (1953—1954), «Speak, Memoirs» (1966). Вероятно, принцип работы Кронина был учтен Набоковым при их написании. Само название книги Кронина могло подсказать Набокову идею разворачивания двойного бытия героя — настоящее и прошлое в «Других берегах», настоящее и литературное в «Просвечивающих предметах» и других романах. Двойная же установка Кронина, как отмечает Т. С. Буркина, проявляется в том, что он, «наряду с неискаженными событиями, имевшими место в жизни писателя» [Там же, с. 42], использует вымышленные топонимы или сюжетные ситуации из ранних книг. Такой ход мы наблюдаем и при разворачивании сюжета путешествия Персона в «Просвечивающих предметах», где реальная Швейцария постоянно «подменяется» вымышленной [Николаева, 20136], а ее топонимы при всей их узнаваемости оказываются искаженными, с приращением иного смысла. Так, комментатор романа А. Долинин пишет: «На имевшихся в нашем распоряжении планах и картах не значатся те швейцарские города, в которых происходит действие

1 Кронин и Набоков селятся в Монтрё (в 1956 и 1961 годах), и оба живут там до своей смерти, но не известно, встречались ли они в Швейцарии и были ли знакомы.

основных эпизодов романа: *Трю (Trux)*, *Версекс (Versex)*, *Bumm (Witt)*, *Дьяблоннэ (Diablonnet)*. По-видимому, это вымышленные названия, которые имеют сходство с топонимикой Швейцарии (ср: *Trun*, *Vernex*, *Versoix*, *Wytenwasser*; *Diableret*) и в которых англоязычный читатель распознает хорошо знакомые ему корни: *true* (истина); *verse* (стихи) и *sex* (секс); *wit* (ум, остроумие); *diabolic* (дьявольский)» [Набоков, 1998, с. 455]. В этом смысле указание на «старину Кронига», хотя его имя и отличается одной буквой, является важным свидетельством того самого «подлога», то есть принципа, который Набоков заимствует у Кронина, но «самоубийство» здесь должно быть рассмотрено не как физическая смерть — писатель умрет только в 1981 году, а как металитературное обсуждение возможных причин значимого отсутствия «старины» там, где он всегда был. *Обрюзгшее лицо* и *фальшивая веселость* Кронига-Кронина — две, на наш взгляд, противоположные установки: *обрюзгший* — отечный, старый, с отвисшей кожей — может говорить об устарелости литературного лица Кронина и несоответствии формы и содержания, а слово *фальшивость* у Набокова, с одной стороны, маркирует положительную связь с литературой, «возвышающим обманом», с другой — в сочетании с *веселостью* может указывать на сомнительное отношение Набокова к религиозному, христианскому, а позже экуменическому оптимизму Кронина.

Т. С. Бурыгина приводит в своей работе высказывание Алана Дэвиса о романе «Юные годы»: «Местами книга навевает четкое ощущение deja-vu: элементы таких романов, как “Замок Броуди”, “Три любви” и особенно “Ключи от Царства”, о которых читатели еще хранят свежие воспоминания, предлагаются вновь, пусть и с другого ракурса» [Бурыгина, 2014, с. 42]. Для Кронина это повторение сюжетных линий и образов, за которое критика не раз упрекала Кронина, являлось осознанным принципом, который, по мысли исследовательницы, свидетельствовал об особой важности для него автобиографических фактов, введенных в ткань повествования. Такую же важность и повторяемость, но с другим знаком имеют автобиографический и биографический сюжеты и их элементы в творчестве Набокова, чья родословная, как известно, очень богата. Он ею интересуется, собирает даже газетные публикации (в том числе полицейскую хронику), связанные с родственниками. Но, говоря о творчестве Набокова, мы имеем дело не только с рефлексией и воспоминаниями писателя о его детстве и семье, но и с переработкой некоторых биографических историй в сюжеты своих произведений. Жизненные перипетии становятся «инвариантами» различных сюжетных ситуаций. Рассмотрим несколько таких «биографических сюжетов».

3. Д. Н. Набоков, Н. А. Корф и М. Ф. Корф — Гумберт, Шарлотта Гейз, Лолита («Лолита»)

Отец Набокова — Владимир Дмитриевич — родился в семье Марии Фердинандовны Корф и Дмитрия Николаевича Набокова. Мать Марии — Нина Александровна Шишкова, — по свидетельству современников, была замечательной красавицей, чем, видимо, привлекла внимание сенатора и министра юстиции Д. Н. Набокова. Будучи замужем за бароном фон Корфом, она выдала замуж за этого сановника свою 15-летнюю дочь. Согласно устным рассказам Марии Фердинандовны, зафиксированным ее внуком Николасом Набоковым¹ в мемуарах², Д. Н. Набоков был одновременно и любовником тещи, и мужем ее дочери: «В возрасте пятнадцати лет бабушку Набокову выдали замуж за государственного чиновника. Муж состоял с ее матерью в любовной связи <...> Любовники сочли, что официальные и родственные узы упрочат их положение <...> и отношения их приобрели видимость благопристойности. <...> “Я служила им ширмой, — вспоминала она, — но можешь не сомневаться, это мне вовсе не нравилось”» [Набоков, 2003, гл. 23]. Эта семейная драма деликатно умалчивается другим внуком — В. В. Набоковым — в его автобиографических книгах «Другие берега» и «Speak, Memoir», но она становится у писателя прототипом для сюжета «Волшебника», а затем «Лолиты», с той только разницей, что Гумберт женится на матери, чтобы иметь возможность быть близким к дочери. В этом романе история бабушки Набоковой разворачивается, становясь романским сюжетом. Отголосок ее есть также в «Даре»³. Есть он и в «Просвечивающих предметах», но в крайне свернутом, хотя узнаваемом виде: *Наяв соглядатая, господин R. в один прекрасный день обнаружил, что его жена Мэрион изменяет ему с Кристианом Пайнсом <...>. Господин R. это приветствовал, поскольку старательно ухаживал за Джулией Мур, своей восемнадцатилетней падчерицей <...>. Очень скоро, однако, он уз-*

1 Николай Сергеевич Набоков (1903—1978), композитор, музыкальный критик, двоюродный брат В. В. Набокова.

2 В Интернете не раз приводилась эта семейная легенда, но без ссылок на ее источник. В этих публикациях упоминается параллель между историей Нины Корф, Д. Н. Набокова и М. Ф. Набоковой и сюжетом «Лолиты».

3 Щеголев говорит Годунову-Чердынцеву в 3-й главе: *...я бы такой роман накатал... <...>. Вот представьте себе такую историю: старый пес, но еще в соку, с огнем, с жаждой счастья, — знакомится с вдовицей, а у нее дочка, совсем еще девочка, — знаете, когда еще ничего не оформилось, а уже ходит так, что с ума сойти. <...> и конечно на старого хрыча не смотрит. <...> И вот, недолго думая, он, видите-ли на вдовице женится. Хорошо-с. Вот зажили втроем. Тут можно без конца описывать — соблазн, вечную пытку, зуд, безумную надежду. И в общем — просчет. Время бежит-летит, он стареет, она расцветает и ни черта. <...> Чувствуете трагедию Достоевского?* [Набоков, 1990, с. 167—168]. На это указывает, например, С. Гандлевский [Гандлевский, 2012].

нал <...>, что юный Пайнс <...> — любовник и матери, и дочери, которых он два лета ублажал в Кавальере, Калифорния [Набоков, 1998, с. 381]. При всей сжатости сюжета «Лолиты», он здесь дан даже в удвоенном виде: писатель, как и Гумберт в «Лолите», женат и ухаживает за падчерицей, в то время, как есть «двойник» (Пайнс), более успешный в любви.

4. Мольер и Арманда Бежар — Арманда и Арман Рейв («Просвечивающие предметы»)

Источником «свернутого» сюжета в «Просвечивающих предметах» становится биографический материал, связанный с другими писателями, в частности с Мольером, чья фигура была окутана слухами и легендами. Так, в романе Набокова Хью Персон видит в витрине магазина в свой первый приезд в Швейцарию фигурку зеленой лыжницы, которую вырезал Арман (Армандо) — убийца, задушивший сестру-кровосмесительницу своего дружка. С одной стороны, в этом фрагменте появляется «предчувствие» Арманды, возлюбленной героя (она будет в романе лыжницей в рептильно-зеленом костюме), и прогноз сюжета — Хью задушит ее. Кроме того, через убийцу Армана Рейва тема кровосмешения связывается и с его ономастическим двойником — Армандой: возможно, мотив «кровосмешения» и имя «Арманд / Арманды» должны напомнить читателю и историю Мольера, женившегося на Арманде Бежар, которую в обществе считали его внебрачной дочерью¹. На этом сходство биографии Мольера с сюжетом «Просвечивающих предметов» не заканчивается. Характер красивой, холодной, взбалмошной, но несчастной Арманды у Набокова напоминает возлюбленную Мольера. История приписывает ей многочисленные любовные измены: «...<Арманда>, мало способная оценить гений и искреннее чувство мужа, изменяла ему с самыми недостойными соперниками, увлекалась салонными болтунами, обладавшими единственным преимуществом — благородством происхождения...» [Мейерхольд, 1968, с. 220—221]. Взаимоотношения Арманды и Хью у Набокова сходны: *Муж ее неизменно испытывал прилив особой нежности <...> всякий раз, когда в аккуратной, деловитой, хладнокровной Арманде проступал прекрасный лик беспомощной человеческой рассеянности* [Набоков, 1998, с. 417]. И далее: *Хью Персон не знал, где найти слова, трогательные и убедительные, от которых на ее суровых темных глазах заблестят яркие слезы. И напротив, на какое-то слово, оброненное без претензий на пронзительность и поэзию <...> эта сухая, глубоко несчастная женщина вдруг отзывалась*

1 История Мольера и Арманды нашла отражение также у К. Гольдони («Мольер») и у М. Булгакова («Жизнь господина де Мольера»).

истерией счастья. <...> Самые пылкие обращения <...> лишь приводили ее в отчаяние. <...> Он любил ее, несмотря на ее полную непригодность быть любимой [Там же, с. 407—408]; Была ли она ему верна в течение месяцев брака, проведенных в легкомысленной, распущенной, веселой Америке? <...> как мы знаем, она в полной мере согрешила лишь дюжину раз... [Там же, с. 412].

5. Петерсон — Хью Персон («Просвечивающие предметы»)

В романе «Просвечивающие предметы» фамилия героя — *Персон* — оказывается для интерпретации неоднозначной. С одной стороны, это мультиязыковая игра: *personne* (фр.) — «никто», *a personnage* (фр.) — персонаж, *a person* (англ.) — персона, — которая позволяет читателю находиться одновременно в двух измерениях: в мире героя и мире автора, впускающего персонажа (*Некто*, *Никто*) в свой художественный мир. С другой стороны, в романе происходит обыгрывание фамилии *Персон*, которая трактуется как искаженное „*Петерсон*“, некоторые произносят „*Парсон*“ [Там же, с. 356]. А. В. Злочевская пишет, что правдоподобная, индивидуальная фамилия — «не более чем “отвлекающий” маневр, поскольку фамилия Петерсон столь же безлично-типологична, как и Персон. Что же касается другого предлагаемого варианта — Парсон <...>, то это, конечно, один из примеров попытки “облагородить” свою тривиальную фамилию. Черта, типичная для людей средних, обыкновенных» [Злочевская, 2002]. Позволим себе не согласиться с тем, что *Петерсон* оказывается безличной фамилией. Трактовки ее могут находиться в широком спектре: от соотнесения с апостолом Петром и сном до поиска реальных однофамильцев, которые могли иметь отношение к герою. Мы выделили несколько биографических контекстов, которые так или иначе связаны с фамилией *Петерсон* в романе.

Во-первых, она может отсылать к группе родственников Набоковых — *Петерсонам*. Так, сын Карла Александровича Петерсона (1819—1875), приходившегося пасынком Ф. И. Тютчеву (это был сын Элеоноры Тютчевой от первого брака с Александром Карловичем Петерсоном), — Иван — был В. В. Набокову дядей, так как женой этого Петерсона была Наталья Дмитриевна Набокова (1862—1938) — дочь того самого Д. Н. Набокова, деда писателя, о котором речь шла выше [Тютчев, 2004, с. 577—612]. Летом 1904 года семья В. В. Набокова снимала «адриатическую виллу» вместе с семьей Ивана Петерсона. Об этом, а также о сыновьях дяди Ивана Петерсона, своих двоюродных братьях, — Дмитриии (Митике)¹ и Петре (Петере) — писатель

1 Д. И. Петерсон (1886—1944) стал последним консулом России в Роттердаме до октября 1917 года.

упоминает в «Других берегах» [Набоков, 1997, с. 42, 53], последний обучался вместе с Набоковым в Кембридже [Носик, 1995, с. 124].

Точнее сказать, имеет ли отношение кто-то из Петерсонов-родственников к образу Хью, пока нельзя. Как сложно однозначно указать, какого Петерсона вообще имел в виду Набоков, если герой действительно соотносился автором с каким-то реальным лицом. Так, это мог быть теоретически и другой Карл Александрович Петерсон (1811—1890) — поэт, публицист, переводчик. Возможно, Набоков мог иметь в виду и Николая Павловича Петерсона (1844—1919), публициста, педагога, поклонника философа Н. Ф. Фёдорова и издателя его трудов, школьного учителя в Ясной Поляне, лично знавшего Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского, послужившего прототипом для образа Левинсона в романе «Воскресение» Л. Н. Толстого¹. Возможно, Набоков был знаком с трудами его сына, лингвиста Михаила Николаевича Петерсона (1885—1962).

Еще один биографический контекст, связанный с данной фамилией, имеет отношение к биографии М. Ю. Лермонтова, который в 1829 году написал стихотворение:

К П.....ну

Забудь, любезный П<етерсо>н,

Мои минувшие сужденья;

Нет! недостойн бедный свет презренья,

Хоть наша жизнь минута сновиденья,

Хоть наша смерть струны порванной звон <...>

Но тот, на ком лежит уныния печать,

Кто, юный, потерял лета златые,

Того не могут услаждать

Ни дружба, ни любовь, ни песни боевые! [Лермонтов, 1969, с. 52].

Как отмечает Ф. Ф. Майский, «найденный список учеников Благородного пансиона позволил ученым раскрыть адресат этого лермонтовского стихотворения. Стихотворение обращено к Дмитрию Васильевичу Петерсону, однокашнику Лермонтова по Благородному пансиону: В мемориях правления за 25 августа 1828 г. мы находим сведения о зачислении Петерсона в 4-й класс пансиона. В списках пансионеров и полупансионеров 6-го класса в 1830 г. мы также находим Петерсона» [Майский, 1941, с. 643]. Отец Дмитрия Петерсона, англичанин В. П. Петерсон [Там же, с. 643; Белоруков, 2000, с. 375], привозит сына в Москву, где «его обучают наукам

1 За указание на возможность этой линии приносим благодарность И. Е. Лоцилову.

различные учителя», а летом 1827 года профессор Московского университета Ф. И. Чумаков готовит мальчика к студенческому экзамену. Но, как отмечает Ф. Ф. Майский, «осенью Петерсона арестовывают за “предосудительные поступки”¹, сажают на две недели “на хлеб и воду” и затем высылают к родителям» [Майский, 1941, с. 643]. Только через год ему разрешено вернуться в Москву и учиться при условии, чтобы «был строгий надзор известных учителей», и «25 августа 1828 г. он поступает в 4-й класс пансиона, где и знакомится с Лермонтовым» [Там же]. Но, очевидно, не бунтарский поступок приятеля Лермонтова, а само дружеское послание, ему адресованное, может иметь отношение к роману Набокова. Оно, как правило, открывает собрания сочинений Лермонтова, и посвящение «К П. ....ну» — первое слово, которое встречает читатель и которое, безусловно, привлекает внимание своей сильной позицией. В самом послании в связи с романом «Просвечивающие предметы» обращает на себя внимание строчка: *Хоть наша жизнь минута сновиденья*, которая в романе Набокова разворачивается в абзац: *Люди научились жить с черной ношей, с огромным саднящим горбом: с догадкой, что “реальность” — только “сон”. Но насколько было бы еще ужаснее, если бы сознание того, что реальность может оказаться сновидением, само было бы сном, встроенной галлюцинацией!* [Набоков, 1998, с. 434] — и в целом может рассматриваться как ключ к «сновидческой» реальности романа.

5. И. Р. Грузинов (соученик Лермонтова) — Ю. Т. Грузинов («Подвиг»)

В романе «Подвиг» «литературной» является фамилия *Грузинов*, она также связана с биографическим контекстом. Юрий Тимофеевич в романе представлен как двойственная фигура: с одной стороны, он «человек больших авантюр» [Набоков, 2006, с. 205], на чью помощь в обсуждении возможности нелегального перехода границы СССР надеется главный герой; с другой, в отличие от Мартына Эдельвейса, — как апатичный человек, призывающий отказаться от бунта: «Передайте Коле, чтоб он оставался дома и занимался чем-нибудь дельным» [Там же, с. 228]. Фамилия *Грузинов* вновь связывает нас с лермонтовской биографией, которую Набоков хорошо знал. Среди соучеников Лермонтова был Иосиф Романович Грузинов, недоучившийся в пансионе и ставший гражданским служащим [Пешков, 2004, с. 63—71; Дорожкина и др., 2006, с. 71]. Лермонтов также посвятил ему дружеское послание — «Грузинову» (1829). Сокурник тоже был поэ-

1 Дмитрий Петерсон ходил по улице с приколотым белым бантом, в чем полиция усмотрела «неблагонадежность» [Бондаренко, 2012, с. 140].

том и прозаиком, но, как характеризуют его творчество исследователи, подражательным. Эту поэтическую несостоятельность иронически обыгрывает и Лермонтов: *...Ты муз прилежный обожатель, / Им даже жертвуешь собой!.. / Напрасно, милый друг! Коварных / К себе не приманишь никак; Ведь музы женщины — итак / Кто ж видел женщин благодарных?..* [Лермонтов, 1969, с. 69]. Но настоящая фамилия рода, к которому относился И. Р. Грузинов, иная — Мамчевадзе: «прадед поэта в середине XVIII века поселился на Дону» и «стал Грузиновым» [Гвинчидзе, 1963, с. 55]. Можно предположить, что крайне критичному в оценках литературного дарования и стиля Набокову сам Грузинов был мало интересен. Но в связи с линией Мартына писателю могла быть известна¹ весьма интересная история предков однокашника Лермонтова. Два дяди И. Р. Грузинова сделали головокружительную карьеру при Павле I: служа в лейб-гвардии казачьем полку, были на особом счету у императора: Евграфа и Петра «царь приблизил к себе: первый стал полковником, второй — подполковником» [Гвинчидзе, 1963, с. 56]. Но фортуна быстро отвернулась от братьев, император, поддавшись слухам и подозрениям, отдаляет их от себя. Их арест, допрос, пытки и жестокая казнь связаны с именами генералов Кожина и Репина². Отсутствие явных доказательств их преступных замыслов, отношение следствия к братьям как к опасным государственным преступникам сделали их жизнь предметом обсуждения историков на протяжении нескольких веков [Урушадзе, 2015]. Интерес в связи романом «Подвиг» представляет старший брат — Евграф, в бумагах и речах которого усматривали замысел организации бунта среди донских казаков, сходного с пугачевским [Карасев, 1873, с. 573]: «Я не так, как Пугач, но еще лучше сделаю: как возьмусь за меч, то вся Россия затрясется» [Лесин и др., 1987]. В романе Набокова Ю. Т. Грузинов становится интересным для Мартына Эдельвейса, планирующего свой «заговор» — нелегальный переход через границу Зоорландии, — именно тем, что он, «по наведенным справкам», также является бунтовщиком, заговорщиком и руководителем крестьянских восстаний: (1) *“Я слышал”, — <...> — “что Грузинов в Лозанне, вы его” <...> — “не встречали? Мой большой приятель и замечательная волевая*

1 А. Долинин отмечает, что Набоков просматривал старые журналы в поисках материалов для биографии Чернышевского, называя среди возможных и «Русскую старину» [Долинин, 2019, с. 162]. Предположение о знакомстве писателя с архивом этого журнала актуально и для романа «Подвиг», где было напечатано сообщение А. А. Карасева об истории братьев Грузиновых [Карасев, 1873].

2 После казни Грузиновых был зачитан приказ императора о помиловании — согласно преданию, генералы Кожин и Репин *продержали царское повеление до тех пор, пока казнь совершилась* [Там же].

личность”; (2) Мартын все искал случая поближе <...> сойтись с Грузиновым, о котором упомянул Зиланов, и который, по наведенным справкам, оказался человеком больших авантур, террористом, заговорщиком, руководителем недавних крестьянских восстаний; (3) ...рассказывали о нем, о страсти его к опасности, о переходах через границу, о таинственных восстаниях, Мартын представлял себе что-то властное, орлиное [Набоков, 2006, с. 199, 205, 224]. Но человек, о котором «сложились легенды», вызывает у героя разочарование, и в текст вводится назидание: *Передайте Коле, чтоб он оставался дома и занимался чем-нибудь дельным. Хороший малый, должно быть, — и было бы жаль, если бы он заплутал* [Там же, с. 228]. Грузинов в «Подвиге» — носитель «бунташного знания». Он оживляется при виде хорошо составленной карты и водит по ней булавкой, *прокладывая в одну минуту наметил полдюжины маршрутов* [Там же], но не выдает тайны, на которую рассчитывает герой: *... и чем оживленнее он говорил, чем яснее становилось Мартыну, что Грузинов над ним издевается* [Там же]. Однако безучастность Юрия¹ Тимофеевича Грузинова к затее Мартына в некотором смысле является «предсказанием» трагической судьбы того, кто, как Евграф Грузинов, дерзает противостоять тирании или государству. Показательно, что и идея создания многонационального вольного государства донским «бунтовщиком» Евграфом Грузиновым, и план Мартына по переходу границы Зоорландии связаны с общей номинацией — *остров*. Евграф Грузинов собирался создать государство с демократической формой правления *под солнцем на островах*, а потом, очевидно, с помощью *ратманы* (рать, войско) распространить свое влияние — *ногами пройти все вселенные* [Лесин и др., 1987]. А. Т. Урушадзе замечает, что *острова* в сочинениях казака могли означать не только острова Эгейского моря (точка зрения В. И. Лесина [Лесин, 2007, с. 258]), но и отдаленные территории, окраину Российской империи — в «Словаре русского языка XI—XVII вв.», на который ссылается исследователь по причине обилия в письменной речи Евграфа Грузинова лексических архаизмов, *остров* — *обособленная от других территория и ее население* [Урушадзе, 2015, с. 210—211]. В «Подвиге» Мартын на вопрос Грузинова: *А зачем вашему приятелю туда <пересекать границу СССР> хаживать* [Набоков, 2006, с. 227] отвечает: *Не знаю, он это скрывает. Кажется, хочет повидать родных в Острове или Пскове* [Там же]. Безусловно, Набоков в первую очередь мог иметь в виду город Остров Псковской республики (XIV век),

¹ Это имя создает ожидание сюжета о змееборце, но эту функцию выполняет в романе не Грузинов, а Мартын — спаситель, выступающий против Зоорландии, *где в сумраке мучат толстых детей и пахнет гарью и тленом* [Набоков, 2006, с. 208].

а затем Псковской губернии, известный своей славной историей во время борьбы с ливонцами и Русско-литовской войны. Но нельзя исключить, что писатель, возможно, знавший историю опальных братьев-казаков, мог иметь в виду и «окраины Российской империи, населенные представителями различных народов, имеющих самобытную культуру, обычаи и традиции» [Там же, с. 211], где Мартын мог надеяться, как и Евграф Грузинов, на создание ополчения из «казаков, татар, грузин, греков, калмыков, черкесов» — представителей «национальных меньшинств» Российской империи» [Там же]. Итак, преданность Евграфа и Петра¹ Павлу I и России, ставшей для их отца родиной, парадоксально привела к их казни. История братьев через фамилию *Грузинов* может «подсвечивать» трагический путь «швейцарца» Мартына Эдельвейса в страну, ставшую отечеством его предкам.

Итак, в произведениях Набокова биографический материал, связанный с родословной писателя, литераторами, историческими лицами, обладает, как можно видеть, мощным сюжетогенным и металитературным потенциалом, придает «объем» линии героя или всему сюжету, дает дополнительные возможности для понимания авторского замысла.

Источники

1. *Лермонтов М. Ю.* Собрание сочинений : в 4 т. / М. Ю. Лермонтов. — Т. 1. — Москва : Правда, 1969. — 415 с.
2. *Набоков В. В.* Дар. Собрание сочинений : в 4 т. / В. В. Набоков. — Москва : Правда, 1990. — Т. 3. — 480 с.
3. *Набоков В. В.* Другие берега : роман, рассказы. / В. В. Набоков. — Москва, Харьков : Фолио : АСТ, 1997. — 463 с.
4. *Набоков В. В.* Истинная жизнь Себастьяна Найта / В. В. Набоков. — Москва : АСТ, 1998. — 464 с.
5. *Набоков В. В.* Подвиг / Набоков В. В. Русский период. Собрание сочинений : в 5 т. / В. В. Набоков. — Т. 3. — Санкт-Петербург : Симпозиум, 2006. — 848 с.
6. *Набоков Н. Д.* Багаж : Мемуары русского Космополита / Н. Д. Набоков. — Санкт-Петербург : Звезда, 2003. — 364 с.

Литература

1. *Белоруков Д. Ф.* Деревни, села и города Костромского края : материалы для истории / Д. Ф. Белоруков. — Кострома : Костромской общественный фонд культуры, 2000. — 536 с.

---

1 Что же касается двух других братьев — Афанасия и Романа (от последнего происходит и Иосиф Грузинов), — то их судьба сложилась более благополучно.

2. *Бондаренко В. М.* Лермонтов / В. Бондаренко. — Москва : Молодая гвардия, 2013. — 612 с.
3. *Бурьгина Т. С.* Автобиография как основа творчества А. Дж. Кронина [Электронный ресурс] / Т. С. Бурьгина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2014. — № 11 (41). Ч. 1. — С. 40—42.
4. *Гандлевский С. М.* Эссе, статьи, рецензии [Электронный ресурс] / С. М. Гандлевский. — Москва : Corpus, 2012. — Режим доступа : <https://books.google.ru/books?id=zc65AAAAQBAJ&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false>.
5. *Гвинчидзе О.* Братья Грузиновы / О. Гвинчидзе. — Тбилиси: [б. и.], 1963. — 110 с.
6. *Долинин А. А.* Комментарий к роману Владимира Набокова «Дар» / А. А. Долинин. — Москва : Новое издательство, 2019. — 648 с.
7. *Дорожкина В.* Литературная жизнь Тамбовского края XVII—XXI веков : справочник / В. Дорожкина, Л. Полякова. — Тамбов : ТОГУП «Тамбовполиграфиздат», 2006. — 148 с.
8. *Злочевская А. В.* Художественный мир В. Набокова и русская литература XIX в. : генетические связи, типологические параллели и оппозиции : диссертация ... доктора филологических наук : 10.01.01 / А. В. Злочевская. — Москва, 2002. — 464 с.
9. *Карасев А. А.* Казнь братьев Грузиновых 27-го октября 1800 г. / А. А. Карасев // Русская старина. — 1873. — Т. 7. — № 4. — С. 573—575.
10. *Левинтон Г. А.* The Importance of Being Russian или Les allusions perdues. [Электронный ресурс] / Г. А. Левинтон. — Режим доступа : http://russianway.rhga.ru/upload/main/49_Levinton.pdf.
12. *Лесин В. И.* Евграф Грузинов / В. И. Лесин, Н. С. Коршиков // Вопросы истории. — 1987. — № 7. — С. 88—96.
13. *Лесин В. И.* Силуэты русского бунта / В. И. Лесин. — Москва : Центрполиграф, 2007. — 334 с.
14. *Майский Ф. Ф.* Новые материалы к биографии М. Ю. Лермонтова (Из документов о пребывании поэта в Благородном пансионе в 1828—1830 гг.) / Ф. Ф. Майский // Жизнь и творчество М. Ю. Лермонтова. Сборник 1. — Москва : Гослитиздат, 1941. — С. 633—643.
15. *Мейерхольд В. Э.* Статьи. Письма. Речи. Беседы : в 2 т. / В. Э. Мейерхольд. — Москва : Искусство, 1968. — Т. 1. — 350 с.
16. *Николаева Е. Г.* «Волшебная лжайка» : категория обмана в «Просвечивающих предметах» Набокова / Е. Г. Николаева // Морфология дискурса лжи в литературе и культуре : коллективная монография : в 2 ч. / под редакцией Н. А. Ермаковой. — Новосибирск, 2013а : Издательство НГПУ. — Ч. 2. — С. 97—106.
17. *Николаева Е. Г.* «Так называемая Швейцария», или Четыре редакции путешествия Хью Персона (швейцарский контекст в романе «Просвечивающие предметы» В. Набокова) / Е. Г. Николаева // Литература путешествий : культурно-семиотические и дискурсивные аспекты : сборник научных работ / под редакцией Т. И. Печерской. — Новосибирск : Гаудеамус, 2013б. — С. 466—514.

18. Носик Б. Мир и дар Владимира Набокова : первая русская биография / Б. Носик. — Москва : Пенаты, 1995. — 570 с.
19. Пешков В. «Муз прилежный обожатель...» / В. Пешков // Страницы прошлого читая... — Тамбов : [б. и.], 2004. — С. 63—71.
20. Тютчев Ф. И. Полное собрание сочинений и писем : в 6 т. / Ф. И. Тютчев. — Москва : Классика, 2004. — Т. 4. Письма 1820—1849. — 624 с.
21. Урушадзе А. Казачья вольность и безумие : случай Евграфа Грузинова / А. Урушадзе // Cogito. Альманах истории идей. — 2015. — Выпуск 6. — С. 201—213.

Biographic Context in V. V. Nabokov's Novels “Glory” and “Transparent Things”

© Ekaterina G. Nikolayeva (2019), orcid.org/0000-0002-0759-9779, PhD in Philology, associate professor, Department of Russian and Foreign Literature, Theory of Literature and Methods of Its Training, Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russia), nikks@ya.ru.

Novels by V. Nabokov “Glory” and “Transparent Things” are considered from the point of view of representation of biographical material in them. The references in these novels to the works of Russian and foreign literature, to the biographies of writers and poets (“biographical plot”) speak not only about Nabokov's cultivation of a new plot on the basis of the combinatorics of borrowed plots and their elements, but also about the meta-literary discussion of these plots, biographies and creative experience of predecessors. The article compares the features of the narrative of A. J. Cronin's novel “Adventures in Two Worlds” and Nabokov's artistic principles allowing to combine biographical facts and fiction. Thus, Nabokov's lineage is considered. It became “plot-genic” — it influenced the emergence of plots of “The Enchanter”, “Lolita” and in collapsed form of “The Gift” and “Transparent Things.” The relationship between the Moliere and Armande Bejart is compared with the line “Armande — Hugh Person” in “Transparent Things.” Links between the novels by V. V. Nabokov “Glory” and “Transparent Things” with the works and biography of Lermontov are traced. In particular, attention is paid to the figures of Lermontov's fellow students — D. V. Peterson and Ya. R. Gruzinov.

Key words: Nabokov; Glory; Transparent Things; meta-literature; plot; intertextuality; biography; biographical context; Cronin; Moliere; Lermontov; Gruzinov; Peterson.

Material resources

- Lermontov, M. Yu. (1969). *Sobraniye sochineniy: v 4 t, 1*. Moskva: Pravda. (In Russ.).
- Nabokov, V. V. (1990). Dar. In: *Sobraniye sochineniy: v 4 t., 3*. Moskva: Pravda. (In Russ.).
- Nabokov, V. V. (1997). *Drugiye berega: roman, rasskazy*. Moskva, Kharkov: Folio, AST. (In Russ.).
- Nabokov, V. V. (1998). *Istinnaya zhizn' Sebstyana Nayta*. Moskva: AST. (In Russ.).
- Nabokov, N. D. (2003). *Bagazh: Memuary russkogo Kosmopolita*. Sankt-Peterburg: Zvezda. (In Russ.).

Nabokov, V. V. (2006). Podvig. Russkiy period. In: *Sobraniye sochineniy: v 5 t.*, 3. Sankt-Peterburg: Simpozium. (In Russ.).

References

- Belorukov, D. F. (2000). *Derevni, sela i goroda Kostromskogo kraya: materialy dlya istorii*. Kostroma: Kostromskoy obshchestvennyy fond kultury. (In Russ.).
- Bondarenko, V. (2013). *M. Lermontov*. Moskva: Molodaya gvardiya. (In Russ.).
- Burygina, T. S. (2014). Avtobiografiya kak osnova tvorchestva A. Dzh. Kronina. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 11 (41) / 1: 40—42. (In Russ.).
- Dolinin, A. A. (2019). *Kommentariy k romanu Vladimira Nabokova «Dar»*. Moskva: Novoye izdatelstvo. (In Russ.).
- Dorozhkina, V. Polyakova, L. (2006). *Literaturnaya zhizn' Tambovskogo kraya XVII—XXI vekov: spravochnik*. Tambov: TOGUP «Tambovpoligrafizdat». (In Russ.).
- Gandlevskiy, S. M. (2012). *Esse, stati, retsenzii*. Moskva: Corpus. Available at: <https://books.google.ru/books?id=zc65AAAAQBAJ&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false>. (In Russ.).
- Gvinchidze, O. (1963). *Bratya Gruziny*. Tbilisi: [b. i.]. (In Russ.).
- Karasev, A. A. (1873). Kazn' brat'yev Gruzinykh 27-go oktyabrya 1800 g. *Russkaya starina*, 7 (4): 573—575. (In Russ.).
- Lesin, V. I. (2007). *Siluety russkogo bunta*. Moskva: Tsentrpoligraf. (In Russ.).
- Lesin, V. I., Korshikov, N. S. (1987). Evgraf Gruzinov. *Voprosy istorii*, 7: 88—96. (In Russ.).
- Levinton, G. A. *The Importance of Being Russian ili Les allusions perdues*. Available at: http://russianway.rhga.ru/upload/main/49_Levinton.pdf.
- Mayskiy, F. F. (1941). Novyye materialy k biografii M. Yu. Lermontova (Iz dokumentov o prebyvanii poeta v Blagorodnom pansione v 1828—1830 gg.). In: *Zhizn' i tvorchestvo M. Yu. Lermontova*, 1: Moskva: Goslitizdat. 633—643. (In Russ.).
- Meyerkhold, V. E. (1968). *Stati. Pisma. Rechi. Besedy: v 2 t.*, 1. Moskva: Iskustvo. (In Russ.).
- Nikolayeva, E. G. (2013a). «Volshebnyaya lzhayka»: kategoriya obmana v «Prosvechivayushchikh predmetakh» Nabokova). In: Ermakova, N. A. (ed.). *Morfologiya diskursa lzhiv v literature i kulture: kollektivnaya monografiya: v 2 ch.*, 2. Novosibirsk: Izdatelstvo NGPU. 97—106. (In Russ.).
- Nikolayeva, E. G. (2013b). «Tak nazyvayemaya Shveytsariya», ili Chetyre redaktzii puteshestviya Khyu Persona (shveytsarskiy kontekst v romane «Prosvechivayushchiye predmety» V. Nabokova). In: Pecherskay, T. I. (ed.). *Literatura puteshestviy: kulturno-semioticheskiye i diskursivnyye aspekty: sbornik nauchnykh rabot*. Novosibirsk: Gaudeamus. 466—514. (In Russ.).
- Nosik, B. (1995). *Mir i dar Vladimira Nabokova: pervaya russkaya biografiya*. Moskva: Penaty.
- Peshkov, V. (2004). «Muz prilezhnyy obozhatel...». In: *Stranitsy proshlogo chitaya...*. Tambov: [b. i.]. 63—71. (In Russ.).

- Tyutchev, F. I. (2004). *Polnoye sobraniye sochineniy i pisem: 4: Pisma 1820—1849*. Moskva: Klassika. (In Russ.).
- Urushadze, A. (2015). Kazachya volnost' i bezumiye: sluchaya Evgrafa Gruzinova. *Cogito. Almanakh istorii idey*, 6: 201—213. (In Russ.).
- Zlochevskaya, A. V. (2002). *Khudozhestvennyy mir V. Nabokova i russkaya literatura XIX v.: geneticheskiye svyazi, tipologicheskiye paralleli i oppozitsii*: dissertatsiya ... doktora filologicheskikh nauk: 10.01.01. Moskva. (In Russ.).